

-1992-

За расширение сферы применения микроэкономического анализа

Гэри Беккер
Gary Becker

Родился в 1930 г. в Поттстауне, Пенсильвания (США). Окончил Принстонский университет (1951). Получил степень доктора в Чикагском университете (1955). Стал профессором Колумбийского университета в 1960 г. Профессор Чикагского университета с 1970 г.

Гэри Беккер — один из наиболее оригинальных умов в современной экономической науке. Каждая его работа открывала новые горизонты экономического анализа, устанавливала связь широко известных и, казалось, не связанных друг с другом явлений с действием какого-то одного общего принципа. В своей докторской диссертации «Экономика дискриминации» (1957) он попытался согласовать конкурентную модель рынка труда с наблюдаемыми фактами неодинаковой оплаты труда белых и черных работников. Для этого он ввел в функции полезности работодателей «пристрастие» к дискриминации. Не сразу привлекавшая внимание, эта работа в конце концов дала толчок целой серии объяснений устойчивым различиям в заработках в зависимости от пола и расы.

Беккер создал общую теорию формирования человеческого капитала по-

Лауреаты Нобелевской премии по экономике

средством обучения в школе и на производстве. Его книга «Человеческий капитал» (1964) положила начало перевороту в экономическом мышлении. Статья Беккера «Преступление и наказание: экономический подход» (1968) предложила неожиданную точку зрения на преступление как на всего лишь еще одну профессию, которую некоторые люди выбирают по совершенно рациональным основаниям: с учетом ожидаемых выгод от преступления, ожидаемых издержек вероятного ареста и наказания и своего субъективного отношения к риску быть наказанным.

В статье «Теория распределения времени» (1965) Беккер исследовал мотивы разделения труда между членами семьи — социального института, который до тех пор почти полностью игнорировался экономической теорией. Он развил этот подход дальше, добавив к предмету анализа принятие людьми решений о том, чтобы иметь детей, затем — принятие решений об их образовании и, наконец, принятие решений о заключении и расторжении брака. «Экономический подход к семей-

ному поведению» (1976) был первым изложением этой теории, за которым последовал более обстоятельный «Трактат о семье» (1981). Беккеровская «новая экономическая теория семьи» порвала со старой концепцией семьи как единого субъекта потребления и вместо этого стала рассматривать семью как производственную единицу, включающую нескольких лиц, принимающих решения. Семья буквально производит «совместную полезность» с помощью ресурсов из времени, умений и знаний различных членов семьи.

Беккер открыл, таким образом, для экономистов такую область исследований, которая формально была заботой только социологов, антропологов и психологов, и, сделав это, он расширил границы экономической науки больше, чем любой другой экономист. Экономический подход, по словам Беккера, дает целостную схему для понимания человеческого поведения, к выработке которой издавна, но безуспешно стремились и И. Бентам, и К. Маркс, и многие другие (Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS. 1993. Т. 1, вып. 1. С. 38).

The Economics of Discrimination. Chicago, 1957.

A Theory of the Allocation of Time // Econ. Journ. 1965. Vol. 76.

Crime and Punishment // Journ. Polit. Econ. 1966. Vol. 76, N 2.

Human Capital: a Theoretical and Empirical Analysis. 2nd ed. New York, 1975.

The Economic Approach to Human Behaviour. Chicago, 1976.

A Treatise on the Family. Cambridge (Mass.), 1984.

В. Моргунов

—1993—

За работы по экономической истории
(Роберт Фогель и
Дуглас Норт)

Роберт Фогель
Robert Fogel

Роберт Уильям Фогель родился в городе Нью-Йорке в 1926 г. Образование получил в Корнеллском (бакалавр в 1948 г.) и Колумбийском (магистр в 1960 г.) университетах, а еще через три года он подготовил и защитил докторскую диссертацию в университете Джона Гопкинса (штат Мэриленд). Впоследствии Фогель работает во многих крупнейших университетах Америки: Рочестера, Гарварда, Чикаго, в настоящее время Фогель является профессором Высшей школы бизнеса Чикагского университета. Помимо этого, он является членом редколлегий целого ряда научных журналов и ведущим исследователем Национального бюро экономических исследований.

Уже к моменту написания докторской диссертации Фогель приобрел известность в научных кругах как незаурядно мыслящий специалист в области экономической истории. Книга, написанная на материалах его маги-

стерской диссертации (случай в американской практике почти уникальный), увидела свет в 1960 г. и произвела большое впечатление в академической среде. Если ранее экономическая история рассматривалась просто как разновидность исторических исследований, описывающих хозяйственную жизнь прошлого и лишь в середине нашего века приступивших к анализу тенденций эволюции хозяйственных систем, то представители так называемой «новой экономической истории» (кстати, и сам этот термин ввел в научный оборот именно Фогель [3]) занимаются «не воспроизводством старого, а количественными оценками исторических явлений. Сторонники этой школы стремились положить конец недооценке роли измерений и поставили себе задачу воспроизводить американскую экономическую историю на солидной количественной основе» [4].

Научные исследования в рамках этой парадигмы, называемой иначе «клиометрикой» (от Клио — древнегреческой музы истории), исходят из того, что прошлое оставило о себе гораздо больше информации, чем может показаться историку, использующему лишь традиционные методы. Ведь помимо общепризнанных факторов, непосредственно вытекающих из вещественных и письменных источников, само наличие этих фактов и частота упоминания о них являются определенной информацией о прошлом. Кроме

того, огромные пласты вещественных и письменных исторических источников (налоговые и таможенные отчеты, податные книги, регистрационные записи церковных приходов и монастырей и т. д.) практически не представляли интереса для историков, поскольку на основе каждого из них в отдельности невозможно было вывести никаких значимых обобщений. Однако, рассматриваемые как массивы информации, и традиционные, и нетрадиционные источники содержат в себе разнообразные данные, которые можно обрабатывать с использованием современных статистических и эконометрических методов и получать новые содержательные результаты. В качестве исходных моделей исторического исследования хозяйственной жизни экономические историки использовали модели, разработанные экономической теорией. В исторических исследованиях появились такие экономические термины, как производственная функция, факторный анализ, даже ВВП и система национальных счетов. По крупицам собирая репрезентативные массивы данных (что, понятно, оказывается делом весьма нелегким), экономические историки сумели оценить важнейшие показатели экономического развития прошлых веков в категориях нынешнего дня: так, ВВП развитых стран Европы (для которых только и существовала соответствующая статистика) был оценен вплоть до XIII в.! Получены были

также во многом неожиданные оценки таких показателей, как численность населения, производительность труда, эффективность производства, динамика цен, прибыли и накопления в Новое время и в средние века, что существенно расширило наши представления о прошлом. Эти труды, естественно, не сводились к оценке истории структуры хозяйства, но тесным образом смыкались с другими историческими и экономическими дисциплинами — исследованиями долговременных тенденций экономической динамики, историей денежного обращения, исторической демографией.

Роберт Фогель был одним из пионеров новой парадигмы. Он прославился уже своей первой книгой, перевернувшей традиционные представления о роли и условиях развития железных дорог на Западе Соединенных Штатов [1], а затем и в США в целом [2, 4]. Традиционно считалось, что железные дороги были абсолютно незаменимы для экономического подъема этой страны в 1840–1890 гг.: они способствовали росту товарооборота как самое эффективное транспортное средство, стимулировали освоение новых земель и, кроме того, давали основной толчок развитию промышленности, прежде всего сталелитейной. Работы Фогеля показали, что все это является по меньшей мере слишком преувеличенным. Для оценки действительной роли железных дорог он использует так называемые контрфак-

тические модели, т. е. на основе статистических данных оценивает возможный ход развития американской экономики, если бы в ней не было железных дорог при тех же прочих условиях. Оказывается, что значение последних при всем желании нельзя считать решающим: водные пути могли бы неплохо заменить железные дороги в качестве транспортного средства и американский ВВП падал бы при этом не более чем на 3%; освоение новых земель также практически не тормозилось бы благодаря разветвленной системе каналов; большую часть спроса на продукцию сталелитейной промышленности обеспечивала не потребность в новых рельсах, а замена старых, а также другие производства, например гвоздильное. Короче говоря, железные дороги оказались отнюдь не столь жизненно необходимыми, как считалось ранее.

Еще более ошарашивающими оказались результаты знаменитой работы Фогеля совместно со Стенли Энгерманом о роли и эффективности рабства [4, 5] в южных штатах США накануне Гражданской войны. Было принято считать, что американское рабство было очень неэффективным из-за принудительного характера труда, способствовало падению предпринимательского духа, эффективности распределения ресурсов и доходов на душу населения на рабовладельческом Юге. Исследования Фогеля и Энгермана, однако, показали,

что интенсивная организация хозяйств, экономия от масштаба и благоприятная конъюнктура рынков хлопка делали плантационные хозяйства прибыльными; что издержки воспроизводства рабов были ниже прибыли от работорговли; что эффективность сельскохозяйственного производства на «отсталом» Юге была выше, чем на «развитом» Севере, и что доходы на душу населения в южных штатах были не только на уровне самых развитых стран тех лет, но и отличались необычайно высокими темпами роста. Таким образом, эффективность рабовладельческой системы оказалась много выше, чем принято было считать, и причинами ее краха были не экономические, а политические и социальные факторы.

Эти работы Роберта Фогеля перевернули существовавшие представления о реальном ходе американской истории и оказали необычайно сильное воздействие на исследования экономических историков, задав направление дальнейшей работы. В последние годы Фогель собирает и обрабатывает документальный материал по истории домашнего хозяйства: на основании оценок таких показателей, как нормы сбережения, трудовое участие, фертильность, смертность, миграции населения, он намерен определить влияние исторических традиций на состояние и роль домашних хозяйств в современной экономической системе.

1. *The Union Pacific Railroad: A case of Premature Enterprise*. John Hopkins Univ. Press, 1960.
2. *Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History*. John Hopkins Univ. Press, 1964.
3. *The New Economic History, Its Findings and Methods // Econ. Hist. Rev.* 1966. Vol. 19. Dec.
4. *The Reinterpretation of American Economic History*. New York, 1971. (With S. L. Engerman (ed.) et al.).
5. *Time on the Cross: the Economics of American Negro Slavery*. Boston, 1974. (With S. L. Engerman (ed.) et al.).
6. *Scientific History and Traditional History*. Yale Univ. Press, 1982.

А. Белянин

Дуглас Норт
Douglas North

Дуглас Сесил Норт родился в 1920 г. в Кембридже, США; закончил университет Беркли, Калифорния (бакалавр в 1942 г., доктор в 1952 г.); работал в Вашингтоне и Хьюстоне; в настоящее время является профессором университета Вашингтона в Сент-Луисе, где занимал разные административные посты. Дуглас Норт долгое время был членом Совета директоров Национального бюро экономических исследований, в 1960–1966 гг. был одним из издателей «*Journal of Economic History*», а с 1987 г. является членом Американской академии искусств и наук.

Наряду с Александром Гершенкроном и Саймоном Кузнецом (оба, кстати, выходцы из России) Норт стоял у истоков современных исследований в области экономической истории — большое количество известнейших ныне ученых прошло его школу. Но если ранние работы Норта были посвящены таким конкретным проблемам, как например динамика цен и заработной платы в средневековой Англии [7], рост благосостояния американцев в XVII–XIX вв. [3] или оценка эффективности океанского судоходства [4], то впоследствии он один из первых стал проводить межстрановые сопоставления и количественные оценки различных стратегий экономического роста [9, 11]. От большинства других экономических историков (в том числе от Фогеля) Норта отличает стремление не столько к количественным и статистическим оценкам экономических параметров и не к построению контрфактических моделей, а к анализу реальных исторических явлений и событий и поиску их объяснений. Инструментом такого рода анализа является для него аналитический аппарат новой институциональной экономической теории и, в частности, экономическая теория трансакционных затрат.

В центре этой исследовательской традиции находится понятие института, т.е. «правила игры в обществе; более формально: созданные людьми ограничения, которые придают форму человеческим взаимодействиям и струк-

турируют стимулы в области политического, социального и экономического обмена» [13]. Существование правил игры необходимо в любом сложно устроенном обществе, где сосуществование индивидуальных интересов и их согласование не может осуществляться без общепринятых норм, надежных соглашений и соответствующих им властных структур и аппарата принуждения. Именно в силу такого употребления и структурирования условий экономической деятельности институты могут выполнять свою основную задачу — уменьшать неопределенность общественной жизни. Кроме того, в реальной жизни невозможно существование совершенных рынков, какими их описывают стандартные неоклассические модели, — в реальности трансакционные затраты никогда не равны нулю. Создавая предсказуемую социальную среду и упорядочивая распределение информации, институты могут способствовать более эффективному и целенаправленному использованию материальных ресурсов благодаря экономии на трансакционных затратах, в первую очередь затратах на измерения и поиск информации.

Несмотря на то что основная задача экономической деятельности — максимально удовлетворять собственные потребности в условиях ограниченности ресурсов, остается неизменной в любой экономической системе и в любой стране, способы решения этой задачи были существенно различными в

разных странах и в разные времена. Разными развитые экономики делают национальные, культурные, исторические традиции, т. е. различия их институтов. С другой стороны, сложные экономические системы с современной институциональной структурой сами сложились в ходе длительного процесса эволюции, изучение которого и составляет предмет исторического исследования. Поэтому в центре научных интересов экономического историка должна, с точки зрения Норта, стоять эволюция институциональной структуры, ибо от нее зависит как правильное понимание событий прошлого, так и анализ причин настоящего положения тех или иных стран.

В работе [7] эволюция институциональной структуры ведущих стран Европы (Англии, Испании, Голландии, Франции) начиная с X в. изучается и объясняется с помощью традиционных экономических методов — в зависимости от эволюции относительных цен. Отталкиваясь от общепринятых экономических концепций и оценивая такие показатели, как динамика численности населения, размеры реальных и номинальных доходов, цены на сельскохозяйственную продукцию начиная с XIII в., авторы не ставят под сомнение общую рациональность экономической системы, исходя из того, что в обществе складываются именно те институты, которые способствуют его максимальной экономиче-

ской эффективности. Однако как объяснить в таком случае то, что, например, экономическое развитие Испании и Англии, обладавших в XVI в. сопоставимыми людскими и материальными ресурсами, оказалось столь различным, что уровни их экономического развития вскоре стали несопоставимыми? Почему в Испании не только сохранились, но и упрочились те институты, существование которых было явно неэффективным с точки зрения задач ее экономического развития и роста?

Теоретическому объяснению расхождений эволюции институциональных структур посвящены позднейшие работы Норта [9, 12]. Причины таких расхождений он видит не в сдвигах экономических показателей, он рассматривает их в рамках более широкого социокультурного контекста и объясняет как наличие старых установок и традиций (т. е. неформальных институтов), направляющих эти сдвиги, так и определенными политическими интересами, которые преследуются в ходе тех или иных изменений правил экономической «игры». Направление институциональных сдвигов, полагает Норт, зависит от многих факторов, в числе важнейших из которых — ограниченность рациональности экономических систем и исторически сложившиеся соотношения сил сторон, выражающих те или иные интересы в ходе своеобразного политического «торга». Так, если в

государственной политике преобладают соображения выгоды власти предрержащих, то это приводит к гипертрофии государственно-бюрократического аппарата и парализации экономического интереса, как это было в Испании XVI–XVIII вв. Напротив, экономические институты таких стран, как Англия и Нидерланды, Соединенные Штаты, эволюционировали в сторону все большего стимулирования частного интереса путем введения принципа личной свободы (раннее формирование гражданских обществ), мобилизации больших капиталов (первые акционерные общества), удешевления и облегчения доступа к коммерческой информации (печать, организованные рынки), лучшего распределения рисков (страхование, фондовые биржи). Такая сложившаяся и устойчивая институциональная структура привела к тому, что эффективность тех же производственных ресурсов и затрат оказалась в этих странах куда выше, чем в той же Испании Нового времени или нынешних странах Латинской Америки и третьего мира. Исследование роли экономических институтов в экономической системе оказалось, таким образом, на стыке нескольких дисциплин: правовые нормы и политические расклады в ходе исторического развития анализируются с точки зрения их экономической эффективности, с использованием аппарата исследований процессов торга и теории игр. Этот подход

оказался необычайно плодотворным как для исторических исследований — в качестве объяснения разнообразия путей исторического развития экономических систем с точки зрения сравнительной эффективности их институтов, так и для экономической теории, поскольку он предоставил прекрасный и обширный эмпирический материал для приложения аналитических приемов новой институциональной школы.

1. *Location Theory and Regional Economic Growth* // Journ. Polit. Econ. 1955. Vol. 63. P. 243–250.
2. *The Economics Growth of the United States, 1790–1860*. Englewood, 1961.
3. *Growth and Welfare in the American Past : A New Economic History*. Englewood, 1966.
4. *Sources of Productivity Change in Ocean Shipping, 1600–1850* // Journ. Polit. Econ. 1968. Vol. 76. P. 953–970.
5. *Institutional Change and American Economic Growth*. Cambridge (Mass.), 1971. (With L. E. Davis).
6. *The Economics of Public Issues*. New York, 1971. (With R. L. Miller).
7. *The Rise of the Western World : A New Economic History*. Cambridge (Mass.), 1973. (With R. P. Thomas).
8. *Structure and Performance : The Task of Economic History* // Journ. Econ. Liter. 1978. Vol. 16. P. 963–970.
9. *Structure and Change in Economic History*. New York, 1981.
10. *The New Institutional Economics* // Journ. Inst. a. Theoret. Econ. 1986. Vol. 142. P. 230–237.
11. *Institutions, Economic Growth and Freedom : An Historical Introduction* // Walker M. (Ed.). *Freedom, Democracy and Economic Welfare*. Vancouver, 1988.
12. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge (Mass.), 1990.
13. *Transaction Costs, Institutions and Economic Performance*. San Francisco, 1992.
14. *Институты и экономический рост : Историческое введение* // THE-SIS. 1993. Т. 1, вып. 2.
15. *Институты, идеология и эффективность экономики* // От плана к рынку: будущее посткоммунистических республик. М., 1993.

А. Белянин

Лауреаты Нобелевской премии по экономике за 1969-1991 гг.

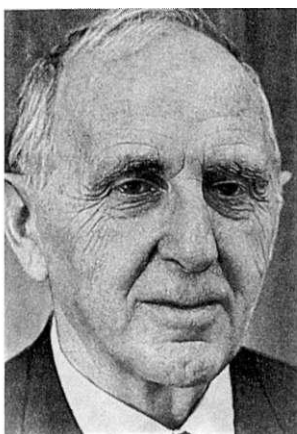
Я. Тинберген (1969)

Р. Фриш (1969)

П. Самуэльсон (1970)

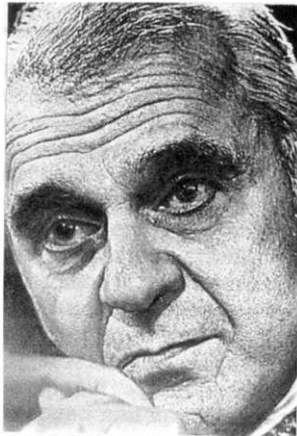
С. Кузнец (1971)

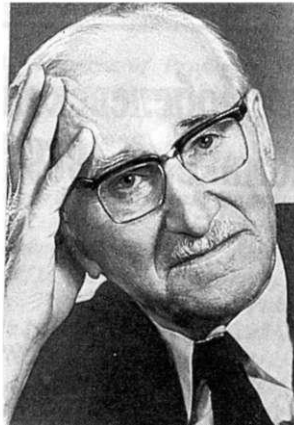
Дж. Хикс (1972)

К. Эрроу (1972)

В. Леонтьев (1973)

Ф. фон Хайек (1974)

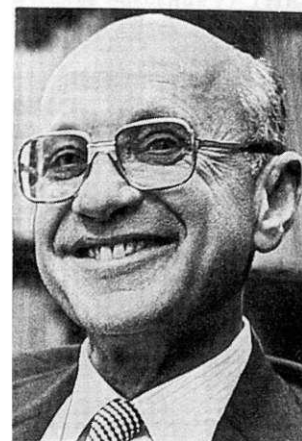
Г. Мюрдаль (1974)

Т. Купманс (1975)

Л. В. Канторович (1975)

М. Фридмен (1976)

Б. Олин (1977)

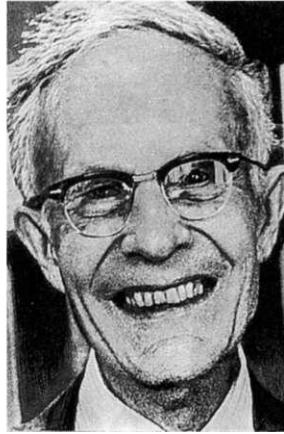
Дж. Мид (1977)

Г. Саймон (1978)

А. Льюис (1979)

Т. Шульц (1979)

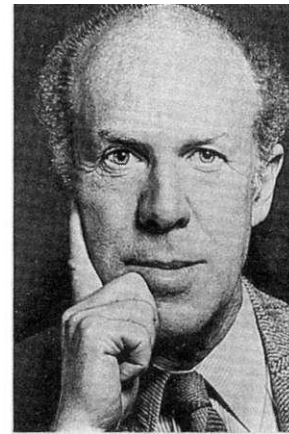
Л. Клейн (1980)

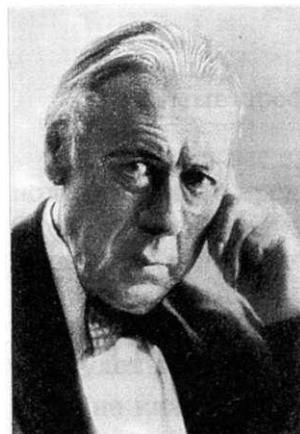
Дж. Тобин (1981)

Дж. Стиглер (1982)

Ж. Дебре (1983)

Р. Стоун (1985)

Ф. Модильяни (1985)

Дж. Бьюкенен (1986)

Р. Солоу (1987)

М. Аллэ (1988)

Т. Хаавельмо (1989)

Г. Марковиц (1990)

М. Миллер (1990)

У. Шарп (1990)

Р. Коуз (1991)